

Цзян Тинчжоу терпеть не мог обременять близких своими проблемами — всегда делился лишь хорошими новостями, умалчивая о невзгодах.

Но стоило ему услышать первые всхлипы, как сразу стало ясно: семейство Цзян не унимается. Оставлять заплаканную женщину прямо на пороге было нельзя — того и гляди, сбегутся любопытные соседи.

— Ладно тебе, проходи во двор, — вздохнул Цзян Тинчжоу. — Давай сначала всё спокойно обсудим.

Едва он договорил, как во двор решительно шагнула Ли Шуянь.

— Сестра, рассказывайте всё мне! — заявила она, подбоченясь. — Я его подруга. Деньги у меня есть, так что со всеми вашими бедами мы мигом разберёмся.

Цзян Тинчжоу лишь устало покачал головой:

— Шуянь, не паясничай.

На самом деле история была до банального простой. Женщину звали Чжоу Лифэн, и когда-то она поставляла продукты для ресторанов Цзян Тинчжоу. Стоило ей произнести пару фраз, как пазл в его голове сложился.

Именно она поставляла вяленый окорок для «Весеннего горшочка свежести» — того самого блюда, рецептом которого он недавно делился с Тянь Хуэй. Их плодотворное сотрудничество длилось уже не один год.

Раньше Чжоу Лифэн вялила мясо исключительно для себя и своей семьи, пока Цзян Тинчжоу во время одной из кулинарных поездок случайно не набрёл на её деревню. Традиционный домашний окорок поразил его своим глубоким, насыщенным вкусом, который не шёл ни в какое сравнение с фабричными аналогами. Уникальный климат тех мест и безупречная экология делали сырьё идеальным, а секреты мастерства, бережно хранимые женщиной, довершали дело. Тинчжоу, не раздумывая, сделал её главным эксклюзивным поставщиком для сети ресторанов «Императорский пир».

— Шеф-повар Цзян, видит бог, я всю жизнь буду вам благодарна! Мы ведь так хорошо работали... А вчера они вдруг заявили, что больше не примут мой товар, — запричитала Чжоу Лифэн, утирая горькие слёзы. — Сказали, будто я заламываю несусветную цену и мой окорок столько не стоит!

По старому уговору окорок Чжоу Лифэн обходился ресторану в сто восемьдесят юаней за цзинь. Цена по рыночным меркам баснословная, однако для «Императорского пира» обычный ширпотреб за тысячу юаней за целую ногу не подходил по определению.

Цзян Тинчжоу лично вникал во все тонкости производства и знал, что эта цена — не пустой звук. Черных высокогорных поросят выращивали на особых фермах со свободным выгулом, отобранных специально для «Императорского пира». Для вяления шли исключительно задние окорока. Сырьё изначально стоило немало, а строжайший контроль на каждом этапе производства, отборные специи и соль лишь увеличивали себестоимость.

По качеству этот деликатес мог поспорить с лучшими мировыми образцами. Процесс его создания — колоссальный труд, требующий долгой ферментации. В пищу шло мясо, выдержанное ровно два года и три месяца — именно тогда его букет раскрывался во всей красе.

Регулярные поставки от Чжоу Лифэн начались только в прошлом году, и почти сразу «Весенний горшочек свежести» во всех филиалах «Императорского пира» превратился в абсолютный хит продаж.

Обычный окорок в лавках отдавали в среднем по пятьдесят юаней за цзинь. Но Цзян Тинчжоу прекрасно понимал: тройная переплата оправдана до последнего фэня. Если «Императорский пир» дорожит своей репутацией и держит марку, экономить на ингредиентах преступно.

Если проводить параллели, то знаменитый импортный хамон категории «5J» стоил столько же всего за пятьдесят граммов. На этом фоне домашний деликатес Лифэн казался невероятно выгодным приобретением.

К несчастью, новые хозяева компании считали иначе.

— Они разом урезали плату до восьмидесяти юаней! — сорвалась на крик исплакавшаяся женщина. — Да ещё и заявили, будто делают мне одолжение! Мол, на вкус моё мясо ничем не отличается от дешёвки с рынка. А если недовольна — иди судись! Шеф-повар Цзян, ну как же так? За восемьдесят юаней я даже расходы на корма и соль не покрою! Кому мне теперь его продавать? У меня ребёнок в больнице лежит, деньги нужны позарез... Господи, что же мне делать?

Придя вчера в офис «Императорского пира», бедняжка обнаружила, что всё руководство сменилось. Знакомых лиц не осталось, Цзян Тинчжоу там больше не работал, а новые менеджеры разговаривали грубо и слушать ничего не желали.

— Так подайте на них в суд! — тут же вскипела Ли Шуянь. — Они нарушили условия договора, семейка Цзян обязана выплатить неустойку. У меня есть отличные юристы...

Цзян Тинчжоу жестом попросил подругу умерить пыл:

— Не торопись. Её случай не так прост.

Он перевёл взгляд на плачущую поставщицу и с тяжёлым вздохом добавил:

— Я ведь не раз просил тебя подписать стандартный долгосрочный контракт с фиксированной ценой. Почему ты меня не послушала?

В обычных обстоятельствах разорвать такое соглашение в одностороннем порядке без последствий невозможно, но у Чжоу Лифэн ситуация была иная.

Когда Тинчжоу ещё руководил кухней «Императорского пира», он настаивал на фиксированной стоимости. Однако в последние пару лет цены на сырьё росли, и Лифэн, наслушавшись советов каких-то деревенских умников, побоялась продешевить. Решив, что твёрдый тариф свяжет ей руки при дальнейшем удорожании рынка, она настояла на плавающей ставке. Прошлым летом они переписали договор на её условиях.

И тем самым женщина собственноручно подписала себе приговор, приняв на себя все рыночные риски.

Поскольку «Весенний горшочек свежести» расходился на ура во всей сети, а Цзян Тинчжоу всегда славился своей честностью и великодушием, она и подумать не могла, что её могут так жестоко подставить. Теперь же, когда семейство Цзян решило пойти на попятную, доказать их вину по закону было практически нереально — плавающая ставка давала юристам корпорации лазейку для любого ценового манёвра.

Юридический отдел «Императорского пира» ел свой хлеб не зря. Если бы Цзян Тинчжоу попытался помочь Лифэн пристроить её товар конкурентам в Юнцине, раскрыв секретную рецептуру «Горшочка», это сочли бы прямым нарушением конфиденциальности. В таком случае несчастной грозил бы иск на такую сумму, которую она не выплатила бы до конца жизни.

Подать в суд на ресторанного гиганта для неё было непосильной задачей, зато растоптать её встречным иском корпорация могла по щелчку пальцев.

— Значит, дельцы из «Императорского пира» сами надумали тебя разыскать меня? — подытожил Цзян Тинчжоу, когда общая картина окончательно прояснилась.

Чжоу Лифэн, размазывая слёзы по щекам, безропотно кивнула.

Тинчжоу обречённо вздохнул. Бедную женщину просто использовали как живой таран.

Технология приготовления «Весеннего горшочка свежести» была не слишком сложной, а наценка на готовое блюдо оставалась колоссальной. Спрос во всех точках стабильно опережал предложение, так что компания уж точно не бедствовала и легко могла позволить себе закупку качественных ингредиентов по прежней цене.

Дело было вовсе не в Чжоу Лифэн. Семейство Цзян окончательно потеряло рассудок и решило допечь его чужими руками. Раз уж не вышло запугать его напрямую, они пошли в обход, надеясь лишить его покоя.

Лифэн не была искушённым коммерсантом, способным хладнокровно вести дела. Простая деревенская женщина без образования, увязшая в глубокой нищете из-за тяжёлой болезни ребёнка — все заработанные честным трудом гроши давно ушли на оплату больничных счетов. На руках у неё не оставалось буквально ничего.

В этой безвыходной ситуации Цзян Тинчжоу стал для неё единственным маяком надежды, спасительной соломинкой, в которую она вцепилась мёртвой хваткой.

Это были не наглые родственнички, которых можно выставить вон без зазрений совести. Перед ним стояла сломленная горем мать. Каким бы суровым и непреклонным ни старался казаться Цзян Тинчжоу, он просто не мог прогнать её.

— И потому вы пришли прямиком к Тинчжоу? — спросила Ли Шуянь, наконец осознав масштаб трагедии.

— Да, я кругом виновата... Шеф-повар Цзян ведь предупреждал меня, а я сдуру согласилась на эту плавающую цену, — прерывающимся голосом заговорила Лифэн. — Вчера мне было слишком стыдно смотреть ему в глаза, но сегодня... сегодня я поняла, что идти мне больше некуда.

Весь вчерашний день женщина пыталась спасти положение своими силами. Она металась по перекупщикам с образцами окорока, но те, почуяв лёгкую наживу, безжалостно сбивали цену, предлагая жалкие семьдесят-восемьдесят юаней за цзинь.

Её крайним порогом выживания были сто сорок пять — сто пятьдесят юаней, ниже этой планки производство уходило в глубокий минус. Ни один оптовик не готов был платить такие деньги за нераскрученный домашний деликатес, что и ввергло несчастную в пучину отчаяния.

Качественный окорок — товар специфический, у него нет чёткой рыночной стоимости. Истинных ценителей мало, а уловить тончайшие нюансы вкуса и аромата способны лишь профессиональные дегустаторы. Обычные же торговцы видели перед собой лишь загнанную в угол крестьянку, которую можно было крутить как угодно.

Единственным утешением было то, что вяленое мясо, в отличие от свежих продуктов, не портится моментально. При правильном хранении оно может лежать годами. Но именно сейчас вкус этого окорока находился на самом пике зрелости. Если упустить момент, мясо начнёт пересыхать, станет слишком солёным, а неповторимый нежный аромат улетучится.

Для элитного деликатеса малейшая потеря вкусовых свойств означает сокрушительное падение в цене. А ведь две сотни окороков уже были доставлены в город и сейчас пылились на

арендованном складе, каждый день съедая и без того скудные сбережения женщины.

Пожалуй, радовало лишь то, что на дворе стояла середина апреля, и это была финальная партия весеннего сезона.

Цикл её производства был строго привязан к временам года. Заготовку мяса начинали в период от зимнего солнцестояния до малых холодов, а к моменту весеннего сбора бамбука — в марте-апреле — выдержанные окорока обретали идеальный вкус.

Поставки шли с начала марта: по одной партии каждые две недели на протяжении двух месяцев. Каждая партия из двухсот штук распределялась между девятью филиалами «Императорского пира», причём львиная доля уходила в главный ресторан.

«Весенний горшочек свежести» подавали исключительно как сезонное спецпредложение. Желающих приобщиться к кулинарному чуду было столько, что окороков едва хватало, чтобы покрыть бесконечный поток заказов.

Вес одной ноги превышал двадцать цзиней. Ли Шуянь быстро прикинула в уме: за всю партию набегало около семисот тысяч юаней.

— Я забираю всё! — без колебаний объявила она. — Сама со всем разберусь.

— И что же ты собралась решать? — горько усмехнулся Цзян Тинчжоу.

Ему было и смешно, и грустно одновременно.

Разово выкупить эти двести штук — полбеды. Настоящая катастрофа крылась в специфике производства. Окорока заготавливались за годы вперёд, и сейчас в деревне у Лифэн созревали следующие партии. Поддавшись былому успеху, за последние два года она увеличила объёмы до тысячи штук в год! Так что решать нужно было проблему не двухсот окороков прямо сейчас, а двух тысяч в обозримом будущем.

Сумму в семьсот тысяч Цзян Тинчжоу вполне мог потянуть и сам. Те, кто натравил на него Лифэн, прекрасно понимали, что он не поскупится на выкуп ради собственного спокойствия. Вот только речь шла не об одном транше, а о семи миллионах юаней за последующие два года.

— У меня хватит денег, — упрямо буркнула Ли Шуянь. — Я заплачу.

— Я не стану влезать в долги, — отрезал Цзян Тинчжоу. — Твоё состояние тоже не с неба свалилось.

— Мы друзья, Тинчжоу!

— Тем более. Долги перед друзьями отдавать тяжелее всего, — мягко, но твёрдо возразил он. — И вообще, куда тебе столько мяса? Собралась объедаться до посинения, пока в раздувшуюся тушу не превратишься?

— Не твоё дело, — надулась Шуянь.

— Как это не моё? Разгребать-то мне.

Они не общались несколько лет, и поначалу между ними сквозила натянутая вежливость. Но эта спонтанная перепалка мигом растопила лёд, вернув их во времена беззаботной юности, когда можно было беззлобно подкалывать друг друга, не боясь обидеть.

В этот момент карман Цзян Тинчжоу завибрировал. Он достал телефон и взглянул на экран — высветился незнакомый номер.

Будь это обычный день, он бы сбросил звонок, но интуиция подсказывала, что сейчас любая мелочь может иметь значение. Немного поколебавшись, он нажал на кнопку приёма.

Из динамика донёсся самосладостный, сочащийся фальшивым дружелюбием голос Лу Цзяхэ:

— Ну здравствуй, Цзян Тинчжоу. Добрейшего тебе утречка.

Цзян Тинчжоу мгновенно всё понял. Поморщившись, он без лишних предисловий бросил в трубку:

— Твоих рук дело?

Лу Цзяхэ, владея сорока процентами акций холдинга Цзян, имел полное право диктовать свои условия. Цзян Ишэн и пальцем бы не шевельнул, чтобы остановить его, даже если это решение ставило под удар безупречную репутацию кухни «Императорского пира».

Теперь пазл сложился окончательно. Сами управляющие ресторанов никогда бы не пошли на подобное безумие — портить отношения с ключевым поставщиком ради сиюминутной прихоти. Старый флагманский ресторан сети с таким трудом открылся заново, и лишиться главного сезонного деликатеса в разгар продаж означало навлечь на себя ярость постоянных клиентов. Это был чистой воды саботаж, бьющий по собственным карманам.

«Весенний горшочек» оставался одной из немногих позиций в меню, чей вкус не пострадал после ухода шеф-повара — просто потому, что испортить его уникальную рецептуру при наличии первоклассного сырья было практически невозможно.

— Да, скрывать не стану — это я, — раздался в трубке самодовольный смешок Лу Цзяхэ. —

Полагаю, плакальщица уже топчется у твоего порога?

— Она простая деревенская женщина, которая честным трудом зарабатывает на жизнь, — процедил сквозь зубы Тинчжоу, с трудом сдерживая гнев. — Неужели в тебе нет ничего святого, раз ты готов растоптать чужую судьбу ради своих капризов?

— Ой, избавь меня от этой праведной драмы, будто я монстр какой-то, — фыркнул Цзяхэ. — Договор она подписывала добровольно, плавающая ставка — это всегда риск, тут уж извини. К тому же, останься ты в «Императорском пире», этой нелепой ситуации вообще не возникло бы. Я её не неволю. И сдались мне эти несчастные семьсот тысяч юаней! Если ей так нужны деньги, я могу хоть сейчас накинуть сверху сотенку-другую, да хоть поднять цену до двухсот юаней за цзинь на будущее. Для меня это сущие гроши.

Но у этой неслыханной щедрости, разумеется, была своя цена.

— Ты мне угрожаешь, — глухо произнёс Цзян Тинчжоу.

— Называй это как хочешь. Но дела в компании Цзян сейчас решаю я. Если кресло вице-президента кажется тебе слишком мелким, я готов предложить место повыше, — вкрадчиво заговорил Лу Цзяхэ. — Я знаю, что у тебя за душой есть сбережения и разок ты сможешь выкупить её товар. Но что ты будешь делать дальше?

Лу Цзяхэ подготовился основательно и досконально изучил вопрос.

Запасы Чжоу Лифэн не ограничивались весенней партией. Окорока на два года вперёд уже томились в погребах. Если она лишится постоянного сбыта, весь этот колоссальный объём попросту сгниёт, оставив её семью с миллионными долгами.

Тинчжоу не сможет спасти её вечно. Разовая подачка лишь отсрочит неизбежное, превратившись для него в бесконечную финансовую кабалу.

Даже если у него проснётся синдром благородного спасителя и он решит полностью взять Лифэн на содержание, его личных ресурсов надолго не хватит.

— Цзян Тинчжоу, уверяю тебя: в окрестностях Юнцина ни один приличный ресторан не рискнёт взять её мясо, — отчеканил Лу Цзяхэ. — Можешь даже не пытаться пристроить его по мелким лавкам — такие объёмы тебе в одиночку не освоить.

Рабочие способности Лу Цзяхэ действительно посредственны, но это если сравнивать с Лу Байюем. Он всё ещё младший сын, в которого семья Лу вложила немало сил, и он располагает значительными ресурсами; перекрыть кому-то путь за короткое время для него — проще простого.

Сделав многозначительную паузу, Цзяхэ тихо хмыкнул:

— Впрочем, у тебя ведь есть главный козырь — мой братец. Уж он-то точно не бросит тебя в беде. До него слухи долетят мгновенно. Думаю, не успеешь ты опомниться, как тебе позвонит секретарь Сун и сладким голосом напоёт, что все проблемы решены. Выкупить товар на пару лет вперёд — делов-то на несколько миллионов! Да мой братец даже глазом не моргнёт, припиши ты к этой сумме ещё один ноль, верно ведь? Я на самом деле даже предпочёл бы, чтобы ты выбрал именно этот путь. Пойми наконец, Цзян Тинчжоу: без покровительства нашей семьи ты — никто. Ты не способен развязать даже самый пустяковый узел.

Цзян Тинчжоу наивно полагал, что его уход из компании навсегда перечеркнёт их общее прошлое. Но Лу Цзяхэ не собирался отпускать его так просто. Их судьбы сплелись слишком тесно, чтобы разойтись полюбовно.

— Перебирайся к нам, в дом Лу, а Сяо Ю пусть остаётся за главного в семье Цзян. Разве это не идеальный расклад? — Лу Цзяхэ искренне восхищался собственным коварным планом. — Обещаю, наша семья тебя не обидит.

Цзяхэ упивался своим триумфом, ожидая, когда загнанный в угол противник наконец взмолится о пощаде. Однако после недолгой паузы из трубки раздался тихий, откровенно издевательский смешок.

— Лу Цзяхэ, признай честно: без меня ты просто не способен запустить проект «На кончике языка», верно? — спокойно парировал Цзян Тинчжоу. — К чему весь этот дешёвый спектакль? Мог бы сразу признаться в собственной профнепригодности, вместо того чтобы строить из себя кукловода.

— Да кто тебе сказал, что я без тебя не справлюсь?! — мгновенно сорвался на визг уязвленный Цзяхэ.

— А разве нет? Какими ещё путями вы собираетесь выйти на режиссёра Чэна, если не через мои связи?

— В этом проекте свет клином на твоём Чэн Шифэе не сошёлся!

Лу Цзяхэ внезапно вспомнил слова Цзян Ю. Тот упоминал, что с ним в сети уже связался заместитель режиссёра Сунь Хуэй, и они вовсю обсуждают детали участия в съёмках.

Такой масштабный телепроект не мог держаться на одном-единственном человеке!

— Ну-ну, тешь себя иллюзиями, — хмыкнул Цзян Тинчжоу. — Ты просто пустозвон, Цзяхэ. Ты ни на что не способен.

И, не дожидаясь ответа, без лишних слов нажал на отбой.

— Что значит «не способен»?! Да у нас с режиссёром Сунем всё на мази!.. — надрывался Лу Цзяхэ в гудки. — Алло! Эй!

Этот неблагодарный выскочка окончательно лишился манер!

Ярость застилала глаза. Цзяхэ уже занёс палец над экраном, чтобы набрать номер снова, как вдруг сидевший напротив Цзян Ю резко вздрогнул, пролив на себя горячий кофе.

— О боже, Сяо Ю, ты как? — засуетился Цзяхэ, лихорадочно вытягивая салфетки из коробки и пытаясь промокнуть пятно. — Рука соскользнула? Что же ты так неаккуратно...

Они были близки и часто проводили время вместе, поэтому Цзян Ю слышал каждое слово этого телефонного разговора. Поначалу всё шло по плану — казалось, Цзян Тинчжоу действительно загнан в угол и лишился сна из-за проблем с поставщицей.

Но под конец беседа приняла крайне скверный оборот.

Услышав предложение забрать Цзян Тинчжоу в дом Лу, Сяо Ю так сильно сжал бумажный стаканчик, что на его тонких руках проступили синеватые вены. Крышка отлетела, и недопитый напиток хлынул на его безупречную белую шёлковую рубашку, мгновенно превратив изящного юношу в жалкое, растрёпанное зрелище.

Грязная одежда сейчас волновала его меньше всего. Пока Лу Цзяхэ усердно тёр салфетками его грудь, лицо Цзян Ю на миг исказилось в яростной, почти звериной гримасе.

— Твой хваленый план мести... это притащить Цзян Тинчжоу в ваш дом? — его голос едва заметно дрожал.

— О, это идея мамы и старшего брата. Надо признать, у этого упрямца действительно есть талант, — беспечно пожал плечами Цзяхэ. — Зато подумай о плюсах: как только он переедет к нам, в семье Цзян у тебя не останется конкурентов. Всё наследство достанется тебе одному! Сяо Ю, разве ты не рад?

Цзян Ю промолчал.

Он изо всех сил стиснул зубы, сдерживая поток отборной ругани, готовый сорваться с языка. С трудом вернув лицу самообладание, он выдавил из себя:

— Но ты же его ненавидел.

— Дорогой мой, это просто бизнес. Сейчас Тинчжоу представляет для нас ценность, а личные симпатии тут ни при чём, — удивился Лу Цзяхэ, окончательно успокоившись. — С каких это пор ты стал задавать такие наивные вопросы?

Цзян Ю поспешно умолк.

«Да плевать я хотел на жалкие крохи от семейства Цзян! Разве можно сравнить их захудалые рестораны с могущественной империей Лу? Все активы моего приёмного отца не стоили и сотой доли того богатства, которым ворочал клан Лу!»

«В голове не укладывалось: Цзян Тинчжоу со скандалом разорвал помолвку и ушёл, но вместо позора получил приглашение войти в семью Лу! Ему фактически стелили красную дорожку прямиком к Лу Байюю, а госпожа Цинь Рушуан и Лу Цзяхэ ещё и радовались этому, как дети!»

«А ведь этот выскочка всю жизнь был всего лишь недалёким поваром, не способным видеть дальше собственных кастрюль!»

Тем временем во дворе своего дома Цзян Тинчжоу убрал телефон в карман.

Чжоу Лифэн робко взглянула на него. Из подслушанного разговора она поняла лишь то, что невольно впутала своего благодетеля в какие-то крупные неприятности с могущественными господами.

— Шеф-повар Цзян, если из-за меня... — шмыгнув носом, попыталась заговорить она, намереваясь сказать, что уйдёт и не станет его обременять, но голос предательски сорвался на плач.

— Прекрати сырость разводить, — прервал её Тинчжоу. Говорил он прямо и жёстко, без лишней жалости. — Слезы делу не помогут.

— Тогда... тогда я лучше пойду... — пробормотала женщина.

— За лечение твоего сына в этом месяце нужно внести сто тысяч юаней, верно? — Цзян Тинчжоу развернулся, зашёл в дом и тут же вернулся, протягивая ей небольшую коробочку. — Вот, держи. Это «Ролекс». Продай его, за сотню тысяч с руками оторвут.

Это были те самые дорогие часы, которые швырнул ему заместитель директора Чэнь в качестве компенсации за выбитую дверь. На ремонт замка ушло от силы пара сотен юаней, а

хронограф так и лежал мёртвым грузом на полке.

«Императорский пир» продавал одну порцию «Весеннего горшочка» за шестьсот восемьдесят юаней. При копеечной себестоимости прочих ингредиентов, наваривались они на её окороках безбожно.

Руки Чжоу Лифэн покрывали грубые мозоли и багровые следы от зимних обморожений. Она не умела плести интриги и плохо разбиралась в бизнесе, но была невероятно трудолюбивой женщиной, чей первоклассный товар годами заставлял гостей ресторана стонать от восторга. Ради спасения больного сына она ходила в обносках, в то время как зажавшиеся господа вроде Чэня щеголяли часами стоимостью в годовой бюджет крестьянской семьи.

Лифэн во все глаза смотрела на Цзян Тинчжоу, не зная, радоваться ей или стыдиться своей слабости.

Он не произносил утешительных речей и даже прикрикнул, требуя взять себя в руки. Но этот немногословный, суровый мужчина не просто помнил о её больном ребёнке — он знал точную сумму, необходимую для оплаты больничных счетов в этом месяце.

<http://bllate.org/book/19956/1995117>